

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНЕЗИСА ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ

О.А. Степанов, М.М. Степанов

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –
21 сентября 2021 г.
Дата принятия в печать –
20 июня 2022 г.
Дата онлайн-размещения –
20 сентября 2022 г.

Ключевые слова

Правовое регулирование,
сетевое пространство,
виртуальное пространство,
цифровая личность, цифровой
профиль, цифровой образ,
цифровой след, права человека

Исследуется правовое регулирование института цифровой личности на международном, региональном и национальном уровнях, в том числе в Российской Федерации. Делаются выводы об особенностях международно-правового регулирования отношений, связанных с генезисом правовой личности, правового регулирования данных отношений в Европейском Союзе и Китае. Особое внимание уделяется проблемам правового регулирования генезиса цифровой личности в Российской Федерации, где, по большей мере, урегулированы отношения в области цифрового профиля и цифрового образа. Отмечается, что дальнейшее отсутствие правового регулирования сбора и обработки информации, составляющей содержание цифрового следа личности, в России приведет к массовому нарушению прав и свобод человека.

LEGAL REGULATION OF THE GENESIS OF DIGITAL IDENTITY

Oleg A. Stepanov, Mikhail M. Stepanov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Article info

Received –
2021 September 21
Accepted –
2022 June 20
Available online –
2022 September 20

Keywords

Legal regulation, network space,
virtual space, digital identity,
digital profile, digital image,
digital footprint, human rights

The article deals with a new phenomenon for the legal science – the institute of legal regulation of the genesis of digital identity.

The subject of the research is the relations that emerge in the process of such regulation. The aim of the research is to analyze the legal regulation of the institute of digital identity at the international, regional and national levels, including in the Russian Federation. The methodological basis of the research is the logical and systematic methods of scientific knowledge, as well as methods of analysis and synthesis, formal-dogmatic and comparative-legal methods.

International, foreign and domestic experience in the genesis of digital identity is studied. The features of legal regulation of each of the elements of digital identity – digital profile, digital image, digital footprint – are analyzed. At the same time, the legal regulation of the relevant relations is considered in their dynamics. As a result of the study, conclusions were made about the peculiarities of international legal regulation of relations related to the genesis of a legal identity, the legal regulation of these relations in the European Union and China. It is noted that international legal regulation of relations related to the genesis of legal personality is carried out, as a rule, only in connection with the need to protect human rights and freedoms in the digital age, including in virtual space; in the European Union the legal regulation is mainly subject to the digital profile of the person, based on his personal data; at the level of individual states the most holistic and systemic regulation of relations related to digital identity is carried out in the People's Republic of China on the Special attention is given to the problems of legal regulation of the genesis of digital identity in the Russian Federation. It is noted that the problems of legal regulation of the genesis of digital identity are becoming particularly relevant at the present time. Its theoretical comprehension is a prerequisite for improving current legislation and law enforcement practice in the Russian Federation.

It is pointed out that there are significant gaps in the legal regulation of relations related to the digital footprint in Russia, the most regulated relations in the area of digital profile and digital image; further lack of legal regulation of the collection and processing of information that constitutes the content of the digital identity footprint in Russia will lead to a massive violation of individual rights and freedoms.

The study also found that the international legal regulation of relations related to the genesis of the legal personality is usually carried out only in connection with the need to protect human rights and freedoms in the digital age, including in virtual space, and in the European Union the legal regulation is mainly subject to the digital profile of the person, which is based on his personal data.

1. Введение

Одним из результатов развития технологий в XXI в. стала оцифровка окружающего нас мира путем создания различных цифровых копий в виртуальном пространстве. При этом широкое распространение получают не только цифровые двойники физических объектов и процессов, которые представляют собой их цифровые профили (модели) [1, с. 56; 2], но и цифровая личность, которая характеризуется совокупностью кодированной информации о конкретном человеке (персональные данные, индивидуальные потребности, результаты деятельности, отношения, биография, личностные особенности и привычки), обладающей свойствами передаваемости в виртуальном пространстве и обработки искусственным интеллектом [3, с. 51]. Отмечаются и другие характеристики этого понятия [4, с. 64; 5, с. 88; 6, с. 230; 7, с. 194].

Структура цифровой личности включает в себя три основных элемента: цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след. Цифровой профиль – наиболее важная часть цифровой личности, представляющая собой совокупность персональных и иных связанных с ними данных индивида в виртуальном пространстве, содержащихся в информационных базах уполномоченных на их обработку субъектов. С учетом этого инфраструктуру цифровой личности даже предлагается отнести к критической информационной инфраструктуре, которая должна соответствовать всем требованиям информационной безопасности [8, с. 6]. Цифровой образ представляет собой конструкт, самостоятельно и креативно создаваемый индивидом в виртуальном мире и содержащий информацию о собственном образе, имидже, биографии, идентичности, самопрезентации и пр. (учетные записи и профили в соцсетях, мессенджерах, компьютерных играх и т. д.). Третьим и наиболее

значительным по объему элементом структуры цифровой личности является понимаемый в узком смысле цифровой след – совокупность информации, оставляемой субъектом в виртуальном пространстве при совершении им каких-либо действий в интернет-среде¹.

Генезис цифровой личности повлек за собой необходимость правового регулирования связанных с ней отношений. Оно осуществляется как на международном, так и на национальном уровне. На уровне межгосударственного взаимодействия принимаются акты, регулирующие только отдельные аспекты отношений, связанных с цифровой личностью, как правило, касающиеся ее прав и свобод. На внутригосударственном уровне правовое регулирование осуществляется гораздо более масштабно, однако системное правовое регулирование отсутствует и здесь (наверное, за исключением только Китайской Народной Республики, об опыте которой речь пойдет далее). Нормативные правовые акты принимаются ситуативно и бессистемно, регулируя наиболее значимые и актуальные на данный момент общественные отношения, осуществляя фрагментарное правовое регулирование. При этом каждое государство идет своим путем, решая актуальные именно для него задачи. Особенности национальной регламентации Интернета определяются культурой общества в самом широком смысле этого слова [9].

В юридической науке в настоящее время отсутствуют специальные исследования, посвященные проблемам правового регулирования института цифровой личности. Среди научных работ, затрагивающих данную проблематику, можно выделить статью А.К. Жаровой [10], в которой рассматривается проблема правового обеспечения требований об информировании субъекта персональных данных при его

¹ В широком смысле под цифровым следом понимается любое действие индивида в виртуальном пространстве, внесшее в него изменения. С этой точки зрения цифровой

след включает в себя, в том числе, и цифровую личность в целом, так как она представляет собой кодированную информацию, которая находится в интернет-среде.

профилировании. Н.А. Жильцов и О.И. Чердаков исследовали эффективность использования правового инструментария в киберпространстве [11]. В работе Н.А. Жильцова, О.И. Чердакова, С.Б. Куликова изучается законодательное регулирование отношений в киберпространстве [12]. В.Б. Наумов исследовал информационно-правовые проблемы формирования цифрового профиля в контексте процессов идентификации [13].

В свете изложенного проблематика правового регулирования генезиса цифровой личности приобретает в настоящее время особую актуальность. Ее теоретическое осмысление является необходимым условием для совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики в Российской Федерации.

2. Международно-правовое регулирование отношений, связанных с цифровой личностью

Среди международных правовых актов, регулирующих генезис цифровой личности, необходимо прежде всего выделить резолюцию Совета ООН по правам человека от 16 июня 2012 г. A/HRC/RES/20/8, в которой указывается, что те же права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны также защищаться и в онлайн-среде². Таким образом, закрепляется, что цифровая личность в виртуальном пространстве обладает, как минимум, теми же правами, что и личность в реальном мире.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. A/RES/68/167 посвящена праву на неприкосновенность личной жизни в цифровой век. В ней отмечается, что быстрые темпы технологического развития позволяют людям во всех регионах мира пользоваться новыми информационными и коммуникационными технологиями и в то же время повышают способность правительств, компаний и физических лиц отслеживать, перехватывать и собирать информацию. Это может привести к нарушению или ущемлению прав человека, особенно права на неприкосновенность личной жизни³.

² Резолюция Совета ООН по правам человека от 16 июня 2012 г. A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/RES/20/8> (дата обращения: 14.09.2021).

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век». URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/68/167> (дата обращения: 14.09.2021).

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2014 г. A/RES/69/166 «Право на неприкосновенность лич-

ной жизни в эпоху цифровых технологий». URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/166> (дата обращения: 14.09.2021).

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2014 г. A/RES/69/166 указывалось, что агрегирование определенных видов метаданных может раскрыть информацию личного характера и данные, касающиеся поведения, социальных отношений, индивидуальных предпочтений и личности человека; что слежение за цифровой связью должно осуществляться в соответствии с международно-правовыми обязательствами в области прав человека и на основе соответствующей нормативно-правовой базы; что государства должны обеспечивать соблюдение международно-правовых обязательств в области прав человека, когда они перехватывают цифровые сообщения отдельных лиц и/или осуществляют сбор данных личного характера и когда они требуют раскрытия данных личного характера от третьих сторон, включая частные компании⁴.

Результатом принятия данных резолюций стала не только защита прав реальной личности, но и ее цифрового двойника, так как новые возможности получения информации о ней, новые способы нарушения прав личности связываются, в первую очередь, с развитием технологий получения данных в виртуальной среде.

3. Регулирование отношений, связанных с цифровой личностью, на региональном уровне

Помимо международных нормативных правовых актов отношения, связанные с цифровой личностью, регулируются и региональным законодательством. В качестве примера можно привести соответствующие акты Европейского Союза. Важнейшим из них является Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, вступившая в силу 1 октября 1985 г.⁵ (в Российской Федерации она была ратифицирована в 2005 г.⁶; далее – Конвенция). Целью принятия Конвенции стало обеспечение уважения прав и основных свобод каждого физического лица, в частности его права на неприкосновенность частной жизни в отношении обработки касающихся его персональных

ной жизни в эпоху цифровых технологий». URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/166> (дата обращения: 14.09.2021).

⁵ Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 5. Ст. 419.

⁶ Федеральный закон от 19 декабря 2005 г. № 160-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 52 (ч. 1). Ст. 5573.

данных. При этом под персональными данными в соответствии со ст. 2 Конвенции понималась любая информация об определенном или поддающемся определению физическом лице. Значение Конвенции заключается в том, что она установила гарантии прав субъекта персональных данных. Например, она закрепила, что любому лицу должна быть предоставлена возможность знать о существовании автоматизированного файла персональных данных; получить подтверждение того, хранятся ли касающиеся его персональные данные в автоматизированном файле данных, а также получить такие данные в доступной для понимания форме; добиваться исправления или уничтожения таких данных; прибегать к средствам правовой защиты в случае необходимости.

В октябре 2018 г. в Страсбурге был подписан Протокол о внесении изменений в Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (*CETS* № 223; далее – Протокол)⁷, к которому присоединилась и Россия⁸. Целью подготовки Протокола стала адаптация положений Конвенции к новым вызовам в области защиты физических лиц при обработке персональных данных, учитывая диверсификацию, интенсификацию и глобализацию обработки данных и потоков персональных данных. При этом в Протоколе подчеркивалось, что он признаёт преимущественную роль Конвенции в защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных и, в более широком смысле, в защите прав человека и его основных свобод.

Конвенция и Протокол сыграли огромную роль в оформлении правового статуса цифровой личности. Их содержанием стало правовое регулирование отношений, связанных с наличием и обработкой персональных данных в сетевом пространстве. Таким образом, правовую регламентацию получил важнейший элемент цифровой личности – цифровой профиль.

Еще одним значимым правовым актом в сфере регулирования отношений, связанных с цифровой личностью (цифровым профилем), стал Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2016/679 «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обра-

щении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» (*General Data Protection Regulation, GDPR*; далее – Регламент), принятый в Брюсселе 27 апреля 2016 г.⁹ В Регламенте указывалось, что в связи с быстрым развитием технологий и глобализацией появились новые проблемы, связанные с защитой персональных данных. Масштаб сбора и обмена персональными данными существенно увеличился. Технологии позволяют частным компаниям и органам государственной власти в рамках осуществления своей деятельности использовать персональные данные в беспрецедентном масштабе. В то же время физические лица всё чаще стали делать личную информацию доступной.

Важнейшей особенностью Регламента стал экстерриториальный принцип его применения (ст. 3). Вне зависимости от того, кто и где проводит обработку персональных данных, если это имеет отношение к жителям Евросоюза, то эта деятельность подпадает под действие *GDPR*. В том числе сюда относится и обработка данных, связанных с мониторингом поведенческой активности граждан Европейского Союза, включая исследование деятельности физических лиц в сети «Интернет». Это связано с тем, что данная информация после применения способов обработки персональных данных составляет профиль субъекта для принятия связанных с ним решений или анализа или прогнозирования его личных предпочтений, форм поведения и жизненных позиций (п. 22–24 Преамбулы).

Согласно Регламенту под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу. При этом под идентифицируемым лицом понимается лицо, которое может быть идентифицировано прямо или косвенно, в частности посредством таких идентификаторов, как имя, идентификационный номер, сведения о местоположении, идентификатор в режиме онлайн, или через один или несколько признаков, характерных для физической, психологической, генетической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности указанного физического лица.

⁷ Протокол о внесении изменений в Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 10.10.2018 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 12.

⁸ Распоряжение Президента РФ от 10 октября 2018 г. № 294-рп «О подписании Протокола о внесении измене-

ний в Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 42 (ч. II). Ст. 6455.

⁹ Official Journal of the European Union. 2016. № L 119. P. 1.

Новацией Регламента стало введение понятия «формирование профиля». Под ним понимается любая форма автоматизированной обработки персональных данных в целях оценки определенных индивидуальных признаков физического лица, в частности относящихся к производственным показателям указанного лица, экономической ситуации, здоровью, индивидуальным предпочтениям, интересам, надежности, поведению, месторасположению или передвижению.

Важнейшим принципом обработки персональных данных стала законность, одним из главных элементов которой является согласие субъекта на обработку его персональных данных. В соответствии со ст. 7 Регламента лицо, обрабатывающее персональные данные субъекта, должно иметь возможность доказать, что субъект дал согласие на эту процедуру. Субъект персональных данных имеет право на отзыв своего согласия. Кроме того, в соответствии со ст. 16 Регламента он вправе потребовать изменения относящихся к нему неточных персональных данных и их дополнения. Также субъект персональных данных имеет право на их удаление («право на забвение»).

Раздел 2 Регламента (ст. 13–15) посвящен обязанностям лиц, обрабатывающих персональные данные субъекта, и правам последнего. В соответствии со ст. 15 Регламента субъект имеет право запрашивать подтверждение, обрабатываются ли его персональные данные, и если да, то он имеет право доступа к ним и к дополнительной информации, касающейся процесса обработки и использования этих данных. Еще одно значимое право субъекта сформулировано в ст. 22 Регламента, которая устанавливает, что он должен иметь право не подпадать под действие решения, основанного исключительно на автоматической обработке, включая формирование профиля, которое порождает юридические последствия в отношении него или существенно на него воздействует. И хотя из этого правила существует ряд исключений, важность этого права во время активного внедрения технологий искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни трудно переоценить.

В Регламенте выделен раздел, посвященный безопасности персональных данных. В нем, в числе прочего, говорится о том, что соответствующие лица

должны осуществить псевдонимизацию (обработку персональных данных таким образом, что персональные данные не могут быть больше отнесены к определенному субъекту данных без использования дополнительной информации) и криптографическую защиту персональных данных; гарантировать постоянную конфиденциальность, целостность, доступность и устойчивость систем и услуг, связанных с их обработкой (ст. 32 Регламента).

Таким образом, следует отметить, что на территории Евросоюза в последние годы было принято несколько нормативных правовых актов в рассматриваемой области. Они обеспечивают достаточно полное регулирование отношений, связанных со всеми элементами цифровой личности – цифровым профилем, цифровым образом и цифровым следом. При этом большее внимание в Европейском Союзе уделяется правовому регулированию и защите цифрового профиля, персональным и связанным с ними данным.

4. Регулирование отношений, связанных с цифровой личностью, в Китайской Народной Республике

На национальном уровне наиболее полное регулирование отношений, связанных с генезисом цифровой личности, осуществляется в Китайской Народной Республике (КНР). Это связано с тем, что 1 января 2021 г. на всей территории КНР должна была в полном объеме заработать национальная система социального кредита (ее введение отложено из-за пандемии COVID-19 и технических сложностей реализации этого проекта). Система социального кредита – это своеобразный показатель благонадежности всех граждан и проживающих в Китае иностранцев, а также юридических лиц¹⁰. Практическая реализация этого проекта началась 14 июня 2014 г., когда Госсовет КНР принял План строительства системы социального кредита (2014–2020 гг.)¹¹. В его развитие на местном уровне принимались собственные нормативные правовые акты. В качестве примеров такого правотворчества можно привести деятельность региональных законотворческих органов – Собрания народных представителей провинции Хубэй, Собрания народных представителей провинции Хэбэй, Шанхайского муниципального народного конгресса [14].

¹⁰ В данном случае термин «кредит» имеет отношение не только к экономическим отношениям, но и к социальной сфере и понимается как возможность доверять субъекту

на основе наличия разнообразной информации, характеризующей его с различных сторон.

¹¹ URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 14.09.2021).

В основе системы социального кредита лежит сбор и обработка информации о физических и юридических лицах на территории Китая. Эта деятельность осуществляется как на уровне Правительства КНР, которое создало Всекитайскую объединенную платформу кредитной информации, так и на уровне отдельных регионов, которые формировали свои информационные платформы.

Для удобства сбора информации о субъектах каждому физическому лицу был присвоен персональный идентификационный код. В соответствии с Законом КНР от 28 июля 2003 г. об удостоверениях личности его номер является пожизненным идентификатором гражданина Китая¹². Идентификационный код необходим для получения государственных услуг, использования электронных платежных систем, осуществления покупок в онлайн-магазинах, оформления проездных документов, приобретения сим-карт, регистрации в качестве интернет-пользователей и пр. [15; 16]. В настоящее время применяется 18-значный идентификационный код. Его используют для сбора данных о физических лицах и формирования их досье, которое затем хранится в соответствующей кредитной платформе [17, с. 151].

Важную роль в регулировании отношений в виртуальном пространстве играет Закон КНР от 7 ноября 2016 г. «О кибербезопасности» (далее – Закон), вступивший в силу с 1 июня 2017 г.¹³ Закон был принят с целью защитить национальный суверенитет в киберпространстве и обеспечить безопасность персональных данных интернет-пользователей. Он провозгласил защиту персональной информации в Сети фундаментальным правом граждан Китая. В нем указывается, что персональная информация физических лиц охраняется законом, и никто не может злоупотреблять правом на использование данной информации в интернет-пространстве или ненадлежащим образом использовать ее. В соответствии с Законом поставщики сетевых услуг при сборе личной информации должны получить на это согласие пользователя; поставщикам сетевых услуг запрещен сбор личной информации, не имеющей отношения к этим услугам; пользователь имеет право потребовать удаления информации о нем, а если она неверна – исправить ее. Одновременно с усилением защиты персональных данных была ликвидирована анонимность пользователей. В соответствии с Законом для доступа

к Сети, регистрации доменных имен, предоставления информации, обмена мгновенными сообщениями и получения других услуг пользователи обязаны предоставить оператору настоящую идентификационную информацию, в противном случае им откажут в оказании данной услуги. Также Закон упростил государственный контроль за деятельностью интернет-компаний и облегчил государственным органам доступ к их данным. Он обязал хранить определенную информацию, включая персональные данные, в центрах их обработки на территории Китая [18].

В КНР осуществляется правовое регулирование отношений, связанных со всеми элементами цифровой личности: цифровым профилем, цифровым образом и цифровым следом. При этом подход к этому регулированию в корне отличается от того, который принят в Евросоюзе и рекомендован международными нормативными правовыми актами. Так, цифровой профиль, основу которого составляют персональные данные, в Китае имеет публичный характер и лишен той приватности, которая существует в демократических государствах. Одним из специфических элементов китайского варианта правового регулирования цифрового профиля стало решение о создании особой информационной платформы *Credit China*. На этой платформе в открытом доступе размещены «красные» и «черные» списки физических лиц (в «красные» списки занесены лица, являющиеся примером для остальных граждан Китая, а в «черные» – лица, утратившие «доверие») и сообщается о запретах и ограничениях для лиц, внесенных в «черные» списки [19]. Таким образом, персональные данные граждан Китая открыты для всех; с ними, а также с ограничениями, установленными в отношении конкретного лица, можно ознакомиться в Интернете. Подобные списки существуют и на местах, к ним также открыт доступ в Сети.

Важнейшей особенностью правового регулирования генезиса цифровой личности в КНР стало регулирование цифрового образа личности. Учитывая отсутствие анонимности в Интернете, содержание цифрового образа отслеживается и оценивается системой социального кредита. Данные о наполнении профиля в социальной сети, предпочтении в выборе игры в Интернете, поведении и участии в общении в виртуальном пространстве и другие характеризуют личность и влияют на социальный рейтинг субъекта. Поэтому

¹² URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_resident_identity_card_law_revised_2011_russian/ (дата обращения: 14.09.2021).

¹³ URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E7%BD%91%E7%BB%9C%E5%AE%89%E5%85%A8%E6%B3%95/16843044> (дата обращения: 14.09.2021).

уже в недалеком будущем при формировании цифрового образа гражданами Китая исчезнут его главные особенности – индивидуальность, креативность, свобода самовыражения, а его содержанием станет одобренная государством информация.

Правовое регулирование цифрового следа как элемента цифровой личности в Китае представляется наиболее полным в мире. В соответствии с действующим законодательством в стране не только отслеживается любая деятельность в Интернете, но и имеются самые развитые на планете системы видеонаблюдения и слежения за гражданами с помощью смарт-гаджетов.

В КНР к 2020 г. планировалось реализовать проект видеонаблюдения *Sharp Eyes* («Острые глаза»). Его задачей является идентификация любого китайского гражданина по фотографии на удостоверении личности в течение трех секунд с точностью около 90 %¹⁴. Для этого к 2020 г. в КНР предполагалось установить 626 млн камер видеонаблюдения (к 2017 г. их насчитывалось 176 млн)¹⁵. Предшественником «Острых глаз» стала программа *China Skynet*, создание которой завершилось в 2017 г. Содержанием данной программы стало создание крупнейшей в мире сети видеонаблюдения с более чем 20 млн камер, объединенных в единую сеть, информацию с которых обрабатывал искусственный интеллект¹⁶.

Что же касается использования данных со смарт-гаджетов, то главным и наиболее информативным из них стал смартфон. В Китае в продаваемые смартфоны устанавливаются обязательные приложения, отслеживающие передвижение человека, его покупки, заказы, платежи, состояние здоровья, контакты, активность в соцсетях и Интернете и пр. При этом каждый смартфон привязан к его владельцу, личность которого идентифицирована. Для этого в 2010 г. всем пользователям мобильных телефонов пришлось зарегистрироваться под своим настоящим именем [19]. А в начале декабря 2019 г. в Китае вступил в силу закон, в соответствии с которым при покупке сим-карты его жителям необходимо пройти процедуру сканиро-

вания лица¹⁷. Также сканирование лица стало обязательным при подключении новых мобильных сервисов¹⁸. Таким образом, в КНР каждый владелец смартфона или сим-карты идентифицирован, передаваемая на удаленный сервер информация об их пользователе «привязывается» к конкретному человеку. Информацию о своих владельцах собирают не только смартфоны, но и другие смарт-гаджеты, например умные часы (смарт-часы) и современные телевизоры с выходом в Интернет. В этой связи отмечается, что в современном мире любое интеллектуальное устройство в доме, офисе, на улице может стать потенциальным окном в частную жизнь человека [21, с. 63]. Таким образом, в соответствии с законодательством КНР практически любой цифровой след, оставляемый ее гражданином, фиксируется, сохраняется и обрабатывается с помощью технологий искусственного интеллекта на Всекитайской объединенной и региональных платформах кредитной информации.

5. Регулирование отношений, связанных с цифровой личностью, в Российской Федерации

В последние годы в России также стало активно осуществляться правовое регулирование отношений, связанных с цифровой личностью. Еще на конец 2019 г. было принято более 60 законных и подзаконных актов, стратегий и доктрин, в той или иной мере регулирующих цифровую экономику и интернет-коммуникационную среду [11, с. 31]. С тех пор их количество значительно возросло. В числе прочего, эти акты осуществляют и регулирование генезиса цифровой личности.

Отношения, связанные с цифровым профилем, в России в настоящее время регулируются, в первую очередь, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁹. В соответствии с этим законом под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) (ст. 3). Такой широкий подход к пониманию персональных данных позволяет практически лю-

¹⁴ Chen S. China to build giant facial recognition database to identify any citizen within seconds // South China Morning Post. 12 Oct, 2017. URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/2115094/china-build-giant-facial-recognition-database-identify-any>.

¹⁵ Hersey F. China to have 626 million surveillance cameras within 3 years // TechNode. Nov. 22, 2017. URL: <https://technode.com/2017/11/22/china-to-have-626-million-surveillance-cameras-within-3-years/>.

¹⁶ URL: <https://www.voachinese.com/a/news-china-builds-largest-camera-minitoring-system-20170926/4044624.html>.

¹⁷ В Китае сканирование лица стало обязательным при покупке SIM-карты // Диалог. 04.12.2019. URL: <http://dialog-e.ru/marketnews/979/>.

¹⁸ В Китае вводят обязательное сканирование лиц пользователей смартфонов // BBC News Русская служба. 2 дек. 2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-50623956>.

¹⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

бую информацию в Сети соотнести с каким-либо индивидом и в силу этого распространить на нее режим персональных данных. Судебная практика подтверждает это. Например, персональными данными (сведениями об абоненте) были признаны поисковые запросы абонента; интернет-адреса веб-страниц, посещаемых абонентом; тематика информации, размещенной на используемых абонентом интернет-ресурсах; IP-адрес абонента [22, с. 37].

Другим важнейшим законодательным актом, регулирующим отношения в области цифрового профиля личности в Российской Федерации, стал Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации»²⁰. Этот закон установил организационно-правовые основы формирования и ведения федерального регистра сведений о населении Российской Федерации (далее – Регистр), который представляет собой совокупность сведений, сформированных на основе данных о гражданах России, об иностранных гражданах и лицах без гражданства, которые содержатся в государственных информационных системах органов государственной власти Российской Федерации и органов управления государственными внебюджетными фондами. Основной целью создания Регистра является формирование системы учета сведений о населении Российской Федерации, обеспечивающей их актуальность и достоверность. Статья 7 данного федерального закона дает закрытый список содержания Регистра. В него включается широкий круг сведений о физическом лице и его идентификаторов. В соответствии с Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ Регистр создается и ведется Федеральной налоговой службой. До 31 декабря 2025 г. установлен переходный период, в течение которого Регистр будет формироваться и тестироваться.

Еще одним законодательным актом, регулирующим отношения, связанные с цифровым профилем субъекта в России, является Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и ста-

тьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»²¹. Этот закон урегулировал отношения, связанные с правом лица на забвение. В соответствии с ним оператор поисковой системы по требованию заявителя в определенных законом случаях обязан прекратить выдачу ссылки, позволяющей получить доступ к информации о нем.

Необходимо отметить, что термин «цифровой профиль» в последние годы стал активно применяться в законодательстве Российской Федерации. Так, он содержится в Постановлении Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах»²², которое посвящено формированию и апробации инфраструктуры цифрового профиля. На использование цифрового профиля указывается в Дорожной карте Банка России по развитию финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства (приложение к приказу Банка России от 28 декабря 2020 г. № ОД-2212), в Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Новые производственные технологии», а также в ряде других документов. При этом в действующих нормативных правовых актах Российской Федерации отсутствует определение понятия «цифровой профиль», а в юридической науке не выработано единого мнения по этому поводу [13, с. 138; 23, с. 29; 24].

В настоящее время правовое регулирование отношений, связанных с цифровым образом, осуществляется в Российской Федерации рядом законодательных актов, регламентирующих его отдельные аспекты. Важнейшим из них является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²³. Он устанавливает наиболее значимые правила, связанные с содержанием профиля субъекта в соцсетях, мессенджерах, компьютерных играх и т. д., а также его общением с другими пользователями в Интернете. За последние несколько лет данный закон был дополнен рядом новых статей, а в уже действующие внесены существенные изменения, например ст. 10.6, которой закон был дополнен в конце 2020 г., закрепляет особенности распростра-

²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 24. Ст. 3742.

²¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4390.

²² Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 23. Ст. 2963.

²³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

нения информации в социальных сетях²⁴; ст. 15.3 определяет виды информации, в случае размещения которых происходит блокировка соответствующего информационного ресурса, например страницы в социальной сети, – последние изменения в эту статью были внесены весной 2019 г. в связи с принятием так называемых законов о запрете фейковых новостей²⁵; ст. 15.1-1, введенная в рамках «закона об оскорблении власти», закрепляет порядок ограничения доступа к информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции РФ или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации²⁶. Были приняты и другие поправки²⁷.

Правовое регулирование отношений, связанных с цифровым следом, в Российской Федерации косвенно осуществляется законодательством, о котором говорилось выше. Однако существует ряд нормативных правовых актов, непосредственно регулирующих эти отношения. Так, 6 июля 2016 г. был принят Федеральный закон № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»²⁸. В соответствии со ст. 13 данного федерального закона, вносящей изменения в Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»²⁹, на операторов связи была возложена обязанность по хранению на территории Российской Федерации информации о фактах приема, передачи, доставки и/или обработки голосовой информации, текстовых сообщений,

изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи – в течение трех лет, а текстовых сообщений, голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных сообщений пользователей услугами связи – до шести месяцев. В соответствии со ст. 15 указанного федерального закона, вносящей изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», организаторы распространения информации в сети «Интернет» стали обязаны хранить на территории Российской Федерации информацию о фактах приема, передачи, доставки и/или обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей Сети и информацию об этих пользователях – в течение одного года, текстовые сообщения пользователей Сети, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные электронные сообщения – до шести месяцев.

Таким образом, источники цифрового следа, относящиеся к коммуникациям субъекта: электронные письма, сообщения в мессенджерах, звонки, смс-сообщения и др., – а также информация о них стали длительное время сохраняться в соответствующих базах данных операторов связи и организаторов распространения информации в сети «Интернет». В этой связи необходимо отметить, что сбор метаданных коммуникации может дать даже более полное представление о поведении человека, его социальных отношениях, личных предпочтениях и личности в целом, чем то, что можно было бы узнать из самого содержания частного общения.

В настоящее время в России не осуществляется правовое регулирование другого источника цифрового следа – активности субъекта в Интернете и

²⁴ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 69.

²⁵ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2019. № 12. Ст. 1221.

²⁶ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2019. № 12. Ст. 1220.

²⁷ Федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 43-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2021. № 11. Ст. 1708; Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 260-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5088.

²⁸ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. № 28. Ст. 4558.

²⁹ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2003. № 28. Ст. 2895.

соцсетях (открываемые приложения и файлы, покупки, запросы, лайки и т. д.), – хотя эти данные могут дать значительный объем информации о личности³⁰. Также ничем не регулируется сбор метаданных о деятельности лица в Сети – сведений о его местоположении, просматриваемом им контенте, динамике нажатия клавиш, скорости набора текста, движения пальцев на экране и т. д. Обработка этой информации с помощью искусственного интеллекта позволяет выйти на новый уровень знаний о субъекте, оставившем свой цифровой след. В результате ее исследования можно выявить психологические особенности личности, ее слабости, уровень IQ, семейную ситуацию, зависимости, болезни, намерения и т. д. [25, с. 210]. В этой связи представляется целесообразным урегулировать соответствующие отношения, защитив таким образом информацию о пользователях Сети, их право на частную жизнь. Отсутствием надлежащего правового регулирования в России в настоящее время активно пользуются владельцы социальных сетей и IT-компании, собирающие информацию о пользователях Интернета с целью ее передачи (продажи) рекламным и иным заинтересованным в ней коммерческим организациям.

В качестве еще одного источника цифрового следа личности могут рассматриваться данные, получаемые в результате работы камер видеонаблюдения. Правовое регулирование этой деятельности осуществляется субъектами Российской Федерации самостоятельно. Например, Правительством г. Москвы утверждено Положение о государственной информационной системе «Единый центр хранения и обработки данных»³¹. Единый центр хранения и обработки данных (далее – ЕЦХД) является государственной информационной системой, содержащей, в том числе, совокупность информации об объектах, за которыми ведется видеонаблюдение. К ней относятся видеоизображение объекта видеонаблюдения, сведения о его местонахождении, дате и времени осуществления видеонаблюдения. На базе

ЕЦХД организуется городская система видеонаблюдения. Ее камеры установлены во дворах, подъездах, местах массового скопления людей и других местах. В 2021 г. Москва вошла в топ-30 мегаполисов мира по числу камер видеонаблюдения на квадратный километр³². Общее количество камер в Москве превышает 160 тыс., часть из них – интеллектуальные видеокамеры, способные распознавать лицо человека. Таким образом, жители Москвы оставляют значительный цифровой след, попадая в зону их действия, который затем обрабатывается и хранится в ЕЦХД.

6. Заключение

Подводя итоги, следует отметить следующие реалии настоящего времени:

1) международно-правовое регулирование отношений, связанных с генезисом правовой личности, осуществляется, как правило, только в связи с необходимостью защиты прав и свобод человека в цифровую эпоху, в том числе в виртуальном пространстве;

2) в Евросоюзе правовому регулированию главным образом подлежит цифровой профиль лица, в основе которого лежат его персональные данные;

3) на уровне отдельных государств наиболее целостное и системное регулирование отношений, связанных с цифровой личностью, осуществляется в Китайской Народной Республике на основе внедрения системы социального кредита;

4) в Российской Федерации в правовом регулировании отношений, связанных с цифровым следом, имеются значительные пробелы, в наибольшей мере урегулированы отношения в области цифрового профиля и цифрового образа [26–30];

5) дальнейшее отсутствие правового регулирования сбора и обработки информации, составляющей содержание цифрового следа личности, в России приведет к массовому нарушению прав и свобод человека.

³⁰ Цифровой след приведет к любому // Росбалт. 22 мая 2019. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2019/05/22/1782565.html>. Учредитель ИА «Росбалт» – акционерное общество «РС-Балт» – внесено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента, и (или) российских юридических лиц, выполняющих функции иностранного агента.

³¹ Постановление Правительства Москвы от 7 февраля 2012 г. № 24-ПП «Об утверждении Положения о государственной информационной системе “Единый центр хранения и обработки данных”» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2012. № 8.

³² Москва вошла в Топ-30 мегаполисов мира по числу камер видеонаблюдения на один квадратный километр // RuБез. 29 марта 2021. URL: <https://ru-bezh.ru/kompanii-iryinki/news/21/03/29/moskva-voshla-v-top-13-melapolisov-mira-po-chislu-kamer-videonab>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куприяновский В. П. Цифровые двойники на базе развития технологий BIM, связанные онтологиями, 5G, IoT и смешанной реальностью для использования в инфраструктурных проектах и IFRABIM / В. П. Куприяновский, А. А. Климов, Ю. Н. Воропаев, О. Н. Покусаев, А. П. Добрынин, И. В. Понкин, А. А. Лысогорский // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2020. – Vol. 8, no. 3. – С. 55–74.
2. Levante R. Data Management and Virtual Reality Applications of BIM models : Masters Thesis in Building Technology Nr 464 / R. Levante. – Stockholm, 2018. – 59 p. – URL: <https://kth.diva-portal.org/smash/get/diva2:1238430/FULLTEXT01.pdf>.
3. Ершова Р. В. Цифровая социализация личности в эпоху глобальных перемен / Р. В. Ершова // *Прикладная психология на службе развивающейся личности : сб. науч. ст. и материалов XVI науч.-практ. конф. с международ. участием*. – Коломна, 2019. – С. 49–54.
4. Попова Д. А. Идентичность как базовый конструкт цифровой личности в межперсональном интернет-дискурсе / Д. А. Попова // *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. – 2018. – № 2. – С. 63–69.
5. Попова Д. А. Цифровая личность как центральный элемент межперсонального интернет-дискурса / Д. А. Попова // *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. – 2019. – № 2. – С. 87–91.
6. Попова Д. А. Ценностная ориентация цифровой личности в жанре интернет-комментария / Д. А. Попова, Е. С. Сальникова // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2019. – № 5. – С. 230–234.
7. Ворон Е. В. Дискурсивная цифровая личность как виртуальная копия языковой личности / Е. В. Ворон // *Современное педагогическое образование*. – 2021. – № 2. – С. 193–196.
8. Полякова Т. А. О новом «регуляторном ландшафте» в условиях цифровой трансформации системы права и экономики / Т. А. Полякова, А. А. Чеботарева // *Информационное право*. – 2020. – № 2. – С. 4–8.
9. Peng Hwa Ang. How Countries Are Regulating Internet Content / Peng Hwa Ang. – URL: https://web.archive.org/web/20160103124414/https://www.isoc.org/inet97/proceedings/B1/B1_3.HTM.
10. Жарова А. К. Правовое обеспечение цифрового профилирования деятельности человека / А. К. Жарова // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право»*. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 80–87. – DOI: 10.14529/law200214.
11. Жильцов Н. А. О правовых и не правовых регуляторах кибер-пространства / Н. А. Жильцов, О. И. Чердаков // *Юридический мир*. – 2020. – № 1. – С. 28–34.
12. Жильцов Н. А. Право в рамках киберпространства / Н. А. Жильцов, О. И. Чердаков, С. Б. Куликов // *Юрист*. – 2020. – № 2. – С. 58–65. – DOI: 10.18572/1812-3929-2020-2-58-65.
13. Наумов В. Б. Информационно-правовые вопросы идентификации при использовании цифрового профиля / В. Б. Наумов // *Аграрное и земельное право*. – 2020. – № 6 (186). – С. 137–141.
14. von Blomberg M. The Social Credit System and China's rule of law / M. von Blomberg // *Mapping China Journal*. – 2018. – № 2. – P. 78–112.
15. Creemers R. Cyber China: Upgrading Propaganda, Public Opinion Work and Social Management for the Twenty-First Century / R. Creemers // *Journal of Contemporary China*. – 2017. – Vol. 26, no. 103. – P. 85–100. – DOI: 10.1080/10670564.2016.1206281.
16. Creemers R. China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control / R. Creemers. – May 9, 2018. – 32 p. – DOI: 10.2139/ssrn.3175792.
17. Попов Д. И. План строительства системы социального кредита как дорожная карта реформы социального управления в Китае в 2010-х гг. / Д. И. Попов // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. – 2020. – Т. 7, № 1 (25). – С. 147–157. – DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).147-157.
18. Xiao Qiang. The road to Digital Unfreedom: President Xi's Surveillance State / Xiao Qiang // *Journal of Democracy*. – 2019. – Vol. 30. – P. 53–67. – DOI: 10.1353/jod.2019.0004.
19. Chen Yongxi. The transparent self under big data profiling: Privacy and Chinese legislation on the social credit system / Chen Yongxi, A. Cheung // *The Journal of Comparative Law*. – 2017. – Vol. 12, no. 2. – P. 356–378. – DOI: 10.2139/SSRN.2992537.

20. Петров А. А. Китайский цифровой профиль или скоринговая система социального доверия / А. А. Петров // *Chronos*. – 2020. – № 8 (46). – С. 11–24.
21. Петров А. А. Информационно-цифровой след: коммерческие и социальные аспекты в цифровую эпоху / А. А. Петров // *Торговая политика*. – 2020. – № 2 (22). – С. 62–86. – DOI: 10.17323/2499-9415-2020-2-22-62-86.
22. Солдатова В. И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий / В. И. Солдатова // *Lex russica*. – 2020. – Т. 73, № 2. – С. 33–43. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.033-043.
23. Бадьина А. В. Основные направления развития концепции цифрового профиля. Зарубежный опыт и перспективы развития / А. В. Бадьина, М. Н. Орешина // *Вестник университета*. – 2020. – № 7. – С. 28–35. – DOI: 10.26425/1816-4277-2020-7-28-35.
24. Докучаев В. А. Цифровизация субъекта персональных данных / В. А. Докучаев, В. В. Маклачкова, В. Ю. Стасьев // *Т-Сотт: Телекоммуникации и транспорт*. – 2020. – Т. 14, № 6. – С. 27–32. – DOI: 10.36724/2072-8735-2020-14-6-27-32.
25. Кондаков А. М. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы / А. М. Кондаков, А. А. Костылева // *Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования*. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 207–218. – DOI: 10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218.
26. Залоило М. В. Современные теории и технологии систематизации нормативных правовых актов: обсуждение дискуссионных вопросов / М. В. Залоило // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки*. – 2020. – № 3. – С. 104–113.
27. Писаревский Е. Л. Концепция цифровой трансформации юридической практики в сфере публичного управления: правовая модель будущего / Е. Л. Писаревский, Н. А. Поветкина, А. Н. Кошкин // *Юридический мир*. – 2021. – № 2. – С. 45–53.
28. Степанов О. А. Правовое воздействие на развитие цифровой среды в обществе : моногр. / О. А. Степанов. – М. : Проспект, 2021. – 88 с.
29. Тихомиров Ю. А. Право и цифровая информация / Ю. А. Тихомиров, Н. В. Кичигин, Ф. В. Цомартова, С. Б. Бальхаева // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2021. – № 2. – С. 4–23. – DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23.
30. Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // *Журнал российского права*. – 2018. – № 1 (253). – С. 85–102. – DOI: 10.12737/art_2018_1_7.

REFERENCES

1. Kupriyanovsky V.P., Klimov A.A., Voropaev Y.N., Pokusaev O.N., Dobrynin A.P., Ponkin I.V., Lysogorsky A.A. Digital twins based on the development of BIM technologies, related ontologies, 5G, IoT, and mixed reality for use in infrastructure projects and IFRABIM. *International Journal of Open Information Technologies*, 2020, vol. 8, no. 3, pp. 55–74. (In Russ.).
2. Levante R. *Data Management and Virtual Reality Applications of BIM models*, Masters Thesis in Building Technology Nr 464. Stockholm, 2018. 59 p. Available at: <https://kth.diva-portal.org/smash/get/diva2:1238430/FULLTEXT01.pdf>.
3. Ershova R.V. Digital socialization of personality in the era of global changes, in: *Prikladnaya psihologiya na sluzhbe razvivayushcheysya lichnosti*, collection of scientific articles and materials of 16th scientific and practical conference with international participation, Kolomna, 2019, pp. 49–54. (In Russ.).
4. Popova D.A. Identity as the Basic Construct of Digital Personality in Interpersonal Internet Discourse. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura = Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture*, 2018, no. 2, pp. 63–69. (In Russ.).
5. Popova D.A. Digital Identity as a Central Element of Interpersonal Internet Discourse. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura = Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture*, 2019, no. 2, pp. 87–91. (In Russ.).
6. Popova D.A., Salnikova E.S. Value orientation of digital personality in the genre of Internet commentary. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2019, no. 5, pp. 230–234. (In Russ.).

7. Voron E.V. Discursive digital personality as a virtual copy of a linguistic personality. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*, 2021, no. 2, pp. 193–196. (In Russ.).
8. Polyakova T.A., Chebotareva A.A. On the New "Regulatory Landscape" in the Digital Transformation of the Legal and Economic System. *Informatsionnoe pravo = Information Law*, 2020, no. 2, pp. 4–8. (In Russ.).
9. Peng Hwa Ang. *How Countries Are Regulating Internet Content*. Available at: https://web.archive.org/web/20160103124414/https://www.isoc.org/inet97/proceedings/B1/B1_3.HTM.
10. Zharova A.K. Legal support for digital profiling of human activities. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" = Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*, 2020, vol. 20, no. 2, pp. 80–87. DOI: 10.14529/law200214. (In Russ.).
11. Zhiltsov N.A., Cherdakov O.I. On legal and non-legal regulators of cyberspace. *Yuridicheskii mir = Legal world*, 2020, no. 1, pp. 28–34. (In Russ.).
12. Zhiltsov N.A., Cherdakov O.I., Kulikov S.B. Law in Cyberspace. *Yurist = Lawyer*, 2020, no. 2, pp. 58–65. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-2-58-65. (In Russ.).
13. Naumov V.B. Information and legal issues of identification when using a digital profile. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2020, no. 6 (186), pp. 137–141. (In Russ.).
14. von Blomberg M. The Social Credit System and China's rule of law. *Mapping China Journal*, 2018, no. 2, pp. 78–112.
15. Creemers R. Cyber China: Upgrading Propaganda, Public Opinion Work and Social Management for the Twenty-First Century. *Journal of Contemporary China*, 2017, vol. 26, iss. 103, pp. 85–100. DOI: 10.1080/10670564.2016.1206281.
16. Creemers R. *China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control*. May 9, 2018. 32 p. DOI: 10.2139/ssrn.3175792.
17. Popov D.I. The Social Credit System Construction Plan as a Roadmap for Social Management Reform in China in the 2010s. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki" = Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"*, 2020, vol. 7, no. 1 (25), pp. 147–157. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).147-157. (In Russ.).
18. Xiao Qiang. The road to Digital Unfreedom: President Xi's Surveillance State. *Journal of Democracy*, 2019, vol. 30, pp. 53–67. DOI: 10.1353/jod.2019.0004.
19. Chen Yongxi, Cheung A. The transparent self under big data profiling: Privacy and Chinese legislation on the social credit system. *The Journal of Comparative Law*, 2017, vol. 12, no. 2, pp. 356–378. DOI: 10.2139/SSRN.2992537.
20. Petrov A.A. Chinese Digital Profile or Social Trust Scoring System. *Chronos*, 2020, no. 8 (46), pp. 11–24. (In Russ.).
21. Petrov A.A. The Information-Digital Footprint: Commercial and Social Aspects in the Digital Age. *Torgovaya politika = Trade policy*, 2020, no. 2 (22), pp. 62–86. DOI: 10.17323/2499-9415-2020-2-22-62-86. (In Russ.).
22. Soldatova V.I. Personal data protection in the application of digital technologies. *Lex russica*, 2020, vol. 73, no. 2, pp. 33–43. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.033-043. (In Russ.).
23. Badiina A.V., Oreshina M.N. Main directions of development of digital profile concept. Foreign experience and prospects for development. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2020, no. 7, pp. 28–35. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-7-28-35. (In Russ.).
24. Dokuchaev V.A., Maklachkova V.V., Stavvaev V.Y. Digitalization of the subject of personal data. *T-Comm: Telekommunikatsii i transport = T-Comm: Telecommunications and Transport*, 2020, vol. 14, no. 6, pp. 27–32. DOI: 10.36724/2072-8735-2020-14-6-27-32. (In Russ.).
25. Kondakov A.M., Kostyleva A.A. Digital identity, digital self-identification, digital profile: problem statement. *Vestnik RUDN. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya = RUDN Journal of Informatization in Education*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 207–218. DOI: 10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218. (In Russ.).
26. Zaloilo M.V. Modern theories and technologies of systematization of normative legal acts: discussion of debatable issues. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = The Academic Journal of Moscow City University, Series "Legal Sciences"*, 2020, no. 3, pp. 104–113. (In Russ.).
27. Pisarevsky E.L., Povetkina N.A., Koshkin A.N. Concept of digital transformation of legal practice in the sphere of public administration: legal model of the future. *Yuridicheskii Mir = Legal world*, 2021, no. 2, pp. 45–53. (In Russ.).

28. Stepanov O.A. *Legal impact on the development of the digital environment in society*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 88 p.

29. Tikhomirov Y.A., Kichigin N.V., Tsomartova F.V., Balkhaeva S.B. Law and Digital Transformation. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 2, pp. 4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23. (In Russ.).

30. Khabrieva T.Y., Chernogor N.N. Law in conditions of digital reality. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 1 (253), pp. 85–102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степанов Олег Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра судебного права

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

E-mail: o_stepanov28@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1103-580x

ResearcherID: O-9771-2019

Scopus AuthorID: 57208665632

SPIN-код РИНЦ: 8156-9725; AuthorID: 655914

Степанов Михаил Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

E-mail: stepanovtao@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5203-1867

ResearcherID: AAX-2549-2020

Scopus AuthorID: 57215415345

SPIN-код РИНЦ: 2134-8209

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Степанов О.А. Правовое регулирование генезиса цифровой личности / О.А. Степанов, М.М. Степанов // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 19–32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).19-32.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Oleg A. Stepanov – Doctor of Law, Professor, Chief scientist, Centre for Judicial Law

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34, B. Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russia

E-mail: o_stepanov28@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1103-580x

ResearcherID: O-9771-2019

Scopus AuthorID: 57208665632

RSCI SPIN-code: 8156-9725; AuthorID: 655914

Mikhail M. Stepanov – PhD in Law, Associate Professor; Leading Researcher, Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34, B. Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russia

E-mail: stepanovtao@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5203-1867

ResearcherID: AAX-2549-2020

Scopus AuthorID: 57215415345

RSCI SPIN-code: 2134-8209

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stepanov O.A., Stepanov M.M. Legal regulation of the genesis of digital identity. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 19–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).19-32. (In Russ.).